DOI: 10.17976/jpps/2018.01.05

МОМЕНТ ИСТИНЫ: ТРАДИЦИОНАЛИСТСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

А.И. Линецкий

ЛИНЕЦКИЙ Александр Иосифович, политолог, кандидат физико-математических наук, предприниматель. Для связи с автором: linetskyalexander@hotmail.com

Линецкий А.И. Момент истины: традиционалистские стереотипы в российской политике. – Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 62-79. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.05

Статья поступила в редакцию: 18.08.2017. Принята к печати: 12.11.2017

Аннотация. Общественно-политическое устройство России, по мнению автора, остается несовременным, во многом не отвечающим вызовам сегодняшнего дня. Бюрократия сохраняет контроль над всеми рычагами государственной власти, реализует с ее помощью свои интересы, максимально широко распространяет свои компетенции и не встречает заметного сопротивления общества, расширяя свой арсенал методов осуществления власти. Истоком паттернов функционирования современного российского персоналистского режима являются традиционалистские социокультурные и поведенческие стереотипы, господствующие в политическом сознании и обеспечивающие его воспроизведение и легитимацию. Фактором, ограничивающим возможности модернизационной трансформации общественно-политического устройства России, оказываются архаичные догмы и установки, не преодоленные до настоящего времени в поведении и сознании ее политического класса. Глубокая модернизация, в которой нуждается общество, может проводиться двумя способами: через усиление демократических начал в политической жизни страны и путем установления действенных правовых ограничений государственной власти. Первый путь ведет к общественному хаосу и потере государственности. Второй путь пролегает через смену поведенческого стандарта российского политического класса и имеет многообещающую историческую перспективу.

Ключевые слова: Россия; централизация власти; естественные государства; демократия; верховенство права; модернизация; поведенческие стереотипы; политические и экономические институты.

В какой мере общественно-политическое устройство современной России соответствует основным тенденциям мирового политического развития? Учитывает ли оно политические инновации или основывается преимущественно на традиционных способах организации общественной жизни? Обычно на эти вопросы отвечают с помощью сопоставления политической жизни России с политической жизнью стран Запада, однако сравнительный метод имеет один существенный недостаток. Он заключается в том, что общественно-политические устройства западных стран уже давно миновали кульминационную точку своего развития и к сегодняшнему дню заметно деградировали. В известном смысле Запад сегодня растрачивает тот социальный капитал, который был накоплен им в предыдущих исторических периодах. В связи с этим страновые сравнения России с Западом в его сегодняшнем состоянии недостаточно показательны.

Гораздо продуктивнее вместо сравнительного метода наметить сквозную линию мирового политического развития в целом и определить, в каком месте

этой смысловой оси располагается общественно-политическое устройство современной России. Оценивая его с самых общих позиций, можно прийти к выводу о том, что оно является в значительной мере устаревшим, не отвечает современным представлениям о государственности и имеет много общих черт с общественно-политическим устройством, типичным для европейских стран позднего Средневековья. Доводы в пользу этого вывода приводятся ниже.

Современные политические институты не получают в России должного развития главным образом потому, что российский политический класс в своих практических действиях и сегодня следует традиционалистским стереотипам поведения. Подавляющее большинство российских политиков, по мнению автора, исходят из того, что власть является наилучшим инструментом для организации абсолютно всех сторон общественной жизни. Поэтому они полагают, что чем больше государственная власть будет участвовать в общественной жизни России, чем эта власть будет сильнее и свободнее в своих действиях от каких бы то ни было ограничений, тем будет лучше для развития страны.

В действительности же архаичное общественно-политическое устройство России порождает проблемы, препятствующие ее быстрому и устойчивому развитию. Эти проблемы более чем серьезны и реально угрожают самому существованию России как самостоятельной геополитической единицы. Сегодня Россия остро нуждается в модернизации своего общественно-политического устройства. В заключительной части статьи обсуждаются два возможных подхода к решению этой актуальной задачи.

Магистральные направления политического развития

Политическая жизнь всегда вращается вокруг вопроса о власти. Следуя определению Макса Вебера [Вебер 2016: 109], мы понимаем под властью способность одних людей управлять поведением других против воли последних. Нам близко и определение Мишеля Фуко, который писал о ключевом значении проблемы власти: “Власть, как мне кажется, следует понимать как совокупность отношений силы (*rapports de force*), которые существуют в определенной сфере и играют в ней основополагающую роль” [Foucault 1976: 121].

Еще у древних людей, научившихся сознательно управлять своим собственным поведением, появился соблазн подчинить своей воле поведение других людей. Но человек далеко не всегда готов терпеть вмешательство посторонних людей в свою личную жизнь. Люди склонны проявлять тягу к свободе и оказывают сопротивление тем, кто пытается управлять их поведением со стороны. Преодоление такого сопротивления и составляет сущность власти, – на всем протяжении человеческой истории, везде, где существует государство и разделение на властвующих и подвластных. Дуглас Норт формулирует предельно ясную формулировку в своей ставшей уже классической работе “*Structure and Change in History*”, вышедшей еще в 1981 г., задолго до того, как он стал лауреатом Нобелевской премии по экономике в 1993 г.: “Государство – это организация со сравнительными преимуществами в осуществлении насилия, распространяемого на определенный географический район, границы которого определяются властью над налогоплательщиками” [North 1981: 21]. Отсюда следует, что главный инструмент власти – насилие (в том числе и вооруженное) или угроза его применения.

Использование орудий власти зачастую противоречит представлением большинства людей о гуманности и справедливости. Более того, власть нередко употребляется для принудительного изъятия ресурсов и благ у одних людей

в пользу других, для удовлетворения тщеславия или личных политических амбиций власть имущих. Люди, в отношении которых употребляется власть, всегда испытывают недовольство. В известном отношении власть – это неизбежное зло социального бытия человека.

Неизбежное, потому что в общественной жизни существует ряд проблем, которые в принципе невозможно решить, не прибегая к принуждению. Только власть способна принудить всех людей следовать определенному порядку или, как принято говорить сегодня, обеспечить работу спонтанно сложившихся в человеческом сообществе институтов. Она делает это, налагая санкции на тех, кто нарушает правила поведения, установленные законом или обычаем. Эта функция власти жизненно важна для человеческих сообществ. Несомненно, что любой порядок, установившийся тем или иным путем в человеческом сообществе, намного предпочтительнее для его членов, чем полный хаос в отношениях между ними. На этих принципах основана конвенционалистская макроэкономика, базовые принципы которой описаны французскими учеными О. Фавро и Л. Тевено [Favereau, Thévenot 1996: 273-313].

Идеал русских теоретиков анархизма [Кропоткин 2004; Бакунин 1989], согласно которому общество должно быть вольным союзом свободных производственных ассоциаций людей, скорее всего, практически неосуществим. Поэтому основной вопрос политики заключается не в том, можно ли построить общество без власти, а в том, как наилучшим образом использовать власть для упорядочения взаимодействий между людьми. Мировое политическое развитие – это эволюционный поиск наилучших способов организации власти. Он шел в трех основных направлениях: люди стремились централизовать власть, придать ей инструментальный характер ("власть должна действовать не в интересах того, кто управляет, а в интересах тех, кем управляют") и ограничить ее, т.е. определить, что власть может делать и чего она делать ни в коем случае не должна. Остановимся на каждом из этих направлений подробнее.

В ранних человеческих сообществах распределение власти носило диффузный характер. Множество самостоятельных и независимых центров власти вели постоянную междоусобную войну за раздел или за передел сфер влияния. Диффузное распределение власти было очень невыгодным. Пресловутая "война всех против всех" [Гоббс 1991: 87] быстро истощала производительные силы. Если междоусобные войны на время и прекращались, то только в связи с отсутствием средств для продолжения войны. Рядовым членам сообщества нужна была передышка для того, чтобы восстановить свои силы. Но как только у человеческого сообщества появлялись новые ресурсы для ведения войны, междоусобные столкновения возобновлялись.

Со временем, однако, в человеческих сообществах начался процесс централизации власти. Самый мощный центр власти в сообществе тем или иным способом приводил к покорности все остальные. Так возникало централизованное государство, которое закрепляло за собой монопольное право на использование вооруженного насилия. Ранее независимые локальные центры власти в лице потомственных аристократов соглашались на консолидацию вооруженной силы в государственной машине потому, что государство взамен сохраняло за ними известный круг властных полномочий на местах и подкрепляло эти полномочия своей вооруженной силой. Д. Норт и его соавторы [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011: 40, 82-85] называют такие государства "естественными". Консолидация

вооруженного насилия в естественном государстве обеспечивала гражданский мир и открывала простор для быстрого роста производительных сил.

При этом верховный правитель естественного государства – монарх, король, царь – нередко считал себя вправе употреблять власть в своих собственных интересах и не стеснял себя в выборе методов. Потомственные аристократы оказались в двойственной ситуации: с одной стороны, они сохранили свои властные полномочия в пределах своей территории, с другой – по отношению к центральной власти они стали столь же бесправными, как и все остальные жители страны. Отдельные представители аристократии нередко становились жертвами произвола со стороны центральной власти, а их имущество переходило в государственную казну. Это не могло не вызвать решительного протеста с их стороны. Начался общественный поиск более приемлемых способов организации власти в естественном государстве.

Одним из таких способов было возрождение демократического начала. Демократия как форма общественно-политического устройства, скорее всего, появилась в Европе намного раньше, чем возникли первые естественные государства. Во всяком случае достоверно известно, что уже в V в. до н.э. древнегреческий полис Афины управлялся вполне демократическим образом [Даль 2003: 23-33]. Наиболее влиятельные жители (демос) на общих собраниях достигали прямых договоренностей между собой по всем общественным вопросам, а затем сами же и следили за выполнением этих договоренностей, занимая те или иные общественные должности, которых в полисе было немало. Разумеется, такая "прямая демократия" была непригодна для управления жизнью человеческих сообществ более крупных, чем отдельный взятый город-полис. Кроме того, прямое демократическое правление вступало в явное противоречие с идеей централизации власти.

Тем не менее в дальнейшем демократический принцип, уже в существенно измененном виде, стал проникать и в политическую жизнь естественных государств. Речь теперь шла не о прямом правлении демоса, а о придании государственной власти инструментального характера: государь должен править страной не в своих собственных интересах, а в интересах своих подданных, прежде всего потомственной аристократии. Чтобы добиться этого, нужно было поставить деятельность правителя под жесткий общественный контроль. С этой целью использовался ряд демократических процедур, организующих широкое участие потомственной аристократии в управлении государством через выборные органы. В этой связи следует особо отметить, что изначально институт демократии не подразумевал под собой равенство политических прав. Кто именно будет представлять в естественном государстве "интересы тех, кем управляют", – этот вопрос долгое время оставался предметом ожесточенных политических споров [там же: 179-202].

Принципиально иной способ упорядочения власти состоит в ограничении ее полномочий. Он основывается на том, что в силу самой своей природы власть пригодна для решения только узкого круга общественных задач. Более того, неограниченная власть угрожает существованию спонтанно сложившихся в обществе институтов, которые в высшей степени полезны для общества. Поэтому компетенция власти должна быть существенно ограничена, а некоторые наиболее опасные для общества методы осуществления власти должны быть полностью исключены [Хайек 2006: 73].

Эти соображения были достаточно хорошо известны уже античным мыслителям и нашли свое отражение в понятии республики. Республиканский способ

правления в идеале должен был обеспечить компромисс между интересами трех групп населения: верховной власти, аристократии и плебса. Решение этой задачи предлагалось искать на пути безусловного подчинения всех граждан республики законам, которые понимались в ту эпоху исключительно как словесное выражение исторически сложившихся правил справедливого поведения [там же: 100]. Власть же должна была следить за соблюдением законов. Образцом республиканского правления можно считать общественно-политическое устройство Древнего Рима в период республики. В частности, древнеримскими правоведами была разработана в высшей степени совершенная система прав частной собственности. Римское право до сих пор служит основой всего законодательства о собственности в странах континентальной Европы [там же: 101-102].

После падения Римской империи в раннем Средневековье в Европе наблюдалась явная деградация политической культуры. Демократические начала и правовые ограничения государственной власти были прочно и надолго забыты. Власть монархов в естественных государствах стала абсолютной: они правили подданными в своих собственных интересах, полагали компетенцию своей власти неограниченной и использовали любые подходящие для достижения своих целей методы. Возврат к идее придания государственной власти инструментального характера произошел в европейской культуре только спустя тысячу лет.

Возрождение демократического начала в политической жизни средневековой Европы обычно связывают с подписанием английским королем Иоанном (Джоном) Безземельным "Великой хартии вольностей", которое произошло в долине Раннимед в 1215 г. Хартия фактически представляла собой договор монарха с оппозицией (прежде всего церковно-баронской) и ограничивала произвол королевской власти, прежде всего в части феодальных поборов, а также закрепляла отдельные права феодальных баронов, рыцарства и горожан. В частности, в ст. 40 *Magna Charta Libertatum* записано: "Ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо [иным] способом обездолен, и мы не пойдем на него и не пошлем на него иначе, как по законному приговору равных его [его прав] и по закону страны" [Великая хартия вольностей 1936]. Хартия также предусматривала создание при монархе королевского совета из 25 крупнейших баронов Англии – прообраза всех будущих европейских парламентов – и фактически вручала в руки совета судьбу страны [Гутнова 1960: 281-289]. "Дух Раннимеда" стал основной идейной составляющей европейской политической жизни на много веков вперед. Что же касается возврата к правовым ограничениям власти, то это было еще делом далекого будущего.

В отсутствие правовых ограничений непрекращающиеся попытки феодальной знати сделать королевскую власть инструментальной не принесли странам Европы ни мира, ни процветания. Фактически пять веков продолжалась всеевропейская гражданская война за перераспределение полномочий между парламентами, представлявшими феодальную знать, и государственной властью в лице монарха. Если в этой войне побеждал монарх, то королевская власть вновь становилась абсолютной. Так было в Англии в годы правления короля Генриха VIII (1509-1547 гг.) и во Франции в годы правления короля Людовика XIV (1643-1715 гг.). Когда в ходе гражданских столкновений побеждали сторонники парламентов, страна, как правило, погружалась в хаос и анархию, как это случилось в Англии в последние годы правления короля

Карла I (1639-1649 гг.) и последующей военной диктатуры Оливера Кромвеля (1649-1658 гг.) [Черчилль 2006: 221-315].

Вторая половина XVII в. была ознаменована примечательным событием в мировом политическом развитии. В ряде стран Западной Европы – Швейцарии, Нидерландах и Англии – началась политическая модернизация. Глубинная суть модернизации заключалась в возврате к представлениям о важности и необходимости ограничения государственной власти определенными правовыми рамками. Возродился и давно забытый античный общественный институт: "верховенство прав людей над политическим произволом". В результате модернизации сначала в отдельных странах Западной Европы, а затем и в Североамериканских штатах сложилось правовое общественно-политическое устройство или, как его иногда называют, "современное общество" [Федотова 2016: 40-52; Линецкий 2017: 125-126].

В "современном обществе" государственная власть ограничивается в двух отношениях: по кругу вопросов, которые относятся к компетенции власти, и в отношении методов осуществления власти: только некоторые из них рассматриваются в "современном обществе" как допустимые. Общий принцип определения компетенции государственной власти в правовом государстве состоит в том, что она призвана осуществлять только одну важнейшую функцию: поддерживать работу спонтанно сложившихся общественных институтов. Здесь без нее решительно невозможно обойтись. Государственная власть должна обуздать криминал и терроризм, не допускать общественного хаоса, защищать права и свободы рядовых жителей страны, упорядочить свободный доступ людей к редким ресурсам и поддерживать честное соперничество в экономике и других областях общественной жизни. Что же касается методов осуществления власти, то они не должны нарушать неотъемлемые права законопослушных граждан и в любом случае гарантировать им полную личную и имущественную безопасность. В частности, недопустимо использовать государственную власть для подавления силой законопослушных политических оппонентов или в хищнических целях.

Политическая модернизация в ее классическом понимании, успешно завершившись в странах-пионерах, продолжила свое победное шествие в рамках тяготеющей к Западу части мирового сообщества, слабо затронув при этом целый ряд стран, к числу которых принадлежит и современная Россия.

Контроль над рычагами государственной власти

Господствующая коалиция, если анализировать проблему в терминах подхода, предложенного Д. Нортом, Дж. Уоллесом и Б. Вайнгастом, старается сохранять контроль над всеми рычагами государственной власти, реализовать с ее помощью свои интересы, максимально широко распространить свои компетенции, не встречая заметного сопротивления общества и расширяя свой арсенал методов осуществления власти. Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон называют такую власть абсолютистской [Acemoglu, Robinson 2012: 81].

В принципе господствующая коалиция стремится – в большинстве случаев вполне успешно – поставить под свой контроль все ветви государственной власти, скрываясь за дымовой завесой политических и *PR*-технологий. Характерная особенность сегодняшнего политического момента состоит в том, что политическая коалиция отправляет власть по большей части не явно и открыто, а скрытно и непублично. С помощью подконтрольных ей средств массовой информации она виртуозно воздействует на общественное сознание.

Цель такого воздействия – создать видимость того, что страна функционирует как современное государство, построенное на широких демократических началах и развивающее рыночное национальное хозяйство.

Условием достижения этой цели является имитационный консенсус [Фурман 2010: 12-15; Бабинцев 2012: 25-30]: имитируются многие стороны политического процесса: разделение властей, деятельность независимых политических партий, защита прав и свобод рядовых жителей и многое другое. В результате люди в своем большинстве оказываются дезориентированными и не могут сформировать в своем сознании верные представления о характере политической жизни в собственной стране, в которой на протяжении без малого двадцати лет вся полнота власти принадлежит практически несменяемой правящей политической коалиции, во главе которой стоит харизматический плебисцитарный лидер. Его мнение – за исключением не слишком влиятельной оппозиции – не оспаривается представителями политического класса России [Краснов 2012: 163-165]. Успешности методов его правления теоретически должны способствовать определенные условия, подробно проанализированные шотландским политологом Арчи Брауном в книге "Миф о сильном лидере: Политическое лидерство в современную эпоху". По мысли ученого, при демократическом режиме даже сильным лидерам редко удается провести системные изменения; однако возможности для радикальных трансформаций возрастают, если просвещенные лидеры приходят к власти в условиях авторитарного режима [Brown 2014].

Для укрепления своего политического доминирования правящая коалиция в полной мере пользуется и другими орудиями власти. Чтобы заручиться политической поддержкой широких слоев населения России, она осуществляет целый ряд социальных программ. Размеры этих программ недостаточны для того, чтобы реально облегчить положение малоимущих, но цели их иные: с одной стороны, демонстрировать неуклонную заботу власти о благосостоянии рядовых жителей страны, с другой – обеспечить их политическую поддержку. Выверенные действия правящей коалиции, нацеленные на укрепление собственного политического господства и усиление элементов абсолютизма, приносят свои плоды. Подавляющее большинство жителей России одобряют действия власти. Власть *полностью легитимна*, т.е. она осуществляется с согласия большинства управляемых [Керимов 2015]. Поэтому общественно-политическое устройство современной России достаточно устойчивое.

Традиционалистские стереотипы

Особые поведенческие привычки, укоренившиеся среди представителей российского политического класса, чрезвычайно живучи. Собственно, этот феномен лаконично охарактеризовал Дуглас Норт: "Формальные правила можно изменить на следующий же день путем принятия политических или юридических решений" [North 1981: 21], – утверждает ученый, подчеркивая, что, напротив, "неформальные ограничения, воплощенные в обычаях, традициях и кодексах поведения, гораздо менее восприимчивы к сознательным человеческим усилиям" [там же]. Оценивая революционные события в России 1917 г., Норт подчеркивает, что они привели к одномоментной резкой ломке формальных институтов, в то время как неформальные – долгое время оставались незатронутыми трансформациями.

Основательно интегрированные в существующую систему устройства российского социума государственные чиновники считают себя вправе и, более

того, обязанными "распоряжаться" по любому общественному вопросу. Надо только подыскать опытного и умелого администратора, поставить перед ним задачу, снабдить его неограниченными полномочиями – и любая общественная проблема будет сразу и в наилучшем виде решена.

Убеждение российских *политиков-администраторов* во всемогуществе абсолютной власти сродни религиозной вере. Они придают ей некий сакральный характер, считают ее единственным источником общественного развития. Мысли о существовании какой-то общественной жизни вне контроля власти или о возможности противостоять власти представляются им недопустимой ересью. Соответствующий стереотип политического поведения можно кратко выразить формулой: "Слабого – покори, сильному – покорись!". Он глубоко архаичен, берет свое начало со времен Андрея Боголюбского или Ивана Грозного и с завидным постоянством воспроизводится в российской политической жизни. Ему следовали представители российского политического класса и в ходе "имперской модернизации", осуществленной Петром I, и в ходе отмены крепостного права при Александре II [Сиземская 2016: 70-80], и в ходе "консервативной модернизации" в Советском Союзе в годы, предшествующие Великой Отечественной войне [Вишневский 1998: 45-53].

Описанная выше система взглядов на власть не отвечает научным представлениям об источниках общественного развития. Подавляющее большинство социологов самых разных направлений от К. Маркса до М. Вебера, и от Т. Веблена до О. Шпенглера постоянно подчеркивали роль *гражданского общества* в развитии страны. Общепризнано, что *главным двигателем общественного развития является вовсе не служебное рвение государственных чиновников, а самоотверженные усилия энтузиастов и новаторов, не входящих во власть*: предпринимателей, общественных деятелей, изобретателей, художников, писателей и иных творческих работников. Для подвижников из гражданского общества дело общественного развития – это не постылая служебная обязанность, а жизненное призвание, которому они отдают все имеющиеся в их распоряжении силы и средства. Чтобы их жизненное призвание могло полностью раскрыться, им нужны личная свобода и хорошо защищенные права.

Что же касается административного начала, то всюду, куда бы оно ни пришло, оно привносит с собой дух казенщины и формализма, бюрократической волокиты и застоя. Наибольшая опасность для общества заключается в том, что самовластные действия администраторов, как правило, либо *разрушают* стихийно выработанные в ходе всенародного поиска справедливые формы общежития людей, либо *мешают им выработаться*. Поэтому самое лучшее из того, что может сделать администратор, приступая к решению сложной общественной задачи, – это самоустраниться и предоставить ее решение подвижникам и новаторам из гражданского общества. Если же администратор решает идти до конца и во что бы то ни стало добиваться результата, то он добивается его с совершенно несоразмерными общественными затратами, ценой неимоверных героических усилий и нередко с немалыми человеческими жертвами, – но это отнюдь не смущает представителей современного российского политического класса, уверивших себя в том, что у России есть свой, особый путь исторического развития.

За этой, на первый взгляд, наивной верой современных российских бюрократов во всемогущество власти или, как принято говорить сегодня, административного ресурса, стоит циничный практический расчет. Предполагается, что взыскиваемые государством с рядовых жителей страны налоги, таможен-

ные пошлины и иные обязательные сборы будут использоваться для создания общественных благ. Но у представителей политического класса, облеченных неограниченной властью, есть множество способов перенаправить известную часть этих средств на цели личного обогащения или на удовлетворение личных политических амбиций. Поэтому чем с большим размахом государство будет перераспределять в стране ресурсы и блага, чем мощнее будет весь поток перераспределения, тем легче им будет отыскать свое доходное место в этом потоке.

Современные российские бюрократы настолько погрузились в устройство своих частных дел, злоупотребляя властными рычагами, что стали невосприимчивыми к мировым политическим и общественным инновациям. Они упорно следуют в своем политическом поведении самым архаичным традиционалистским стереотипам. По мнению этих политиков-бюрократов, предназначение государственной власти не в том, чтобы поддерживать формы общежития, спонтанно найденные в ходе общественного развития, а в том, чтобы насаждать в обществе свои собственные, новые правила и нормы, – ориентированные на укрепление власти господствующей коалиции. В этом, видимо, и заключается тот особый путь российского политического развития, о котором мы говорили выше. В частности, российской бюрократии совершенно чуждо представление о том, что власть должна носить инструментальный характер и править не интересах управляющих, а в интересах управляемых. Логика их рассуждений примерно такова: "Не для того мы столько лет стремились к власти и добивались ее, чтобы обслуживать с ее помощью какие-либо иные интересы, кроме своих собственных". Разумеется, эта логика не является достоянием широкой общественности. Она тщательно скрыта под покровами имитационного демократического процесса.

В равной мере чужды таким российским политикам-бюрократам и представления об ограничении компетенции власти правовыми установлениями. Правовое самосознание в российском политическом классе практически полностью отсутствует. Неотъемлемые права человека для большинства его представителей – это отвлеченная материя, не имеющая никакого отношения ни к реальной жизни, ни к практической политике. Права человека – это то, чем озабочена узкая группа энтузиастов, которых называют "правозащитниками", и не более того. А между тем без надежной защиты неотъемлемых прав граждан страны невозможно их активное и полноценное участие в инновационном развитии социума, невозможна выработка новых форм общежития. Но представители российского политического класса в большинстве своем уверены в том, что государственная власть сможет и сама, без помощи подвижников и энтузиастов из гражданского общества, успешно решить все без исключения вопросы общественной жизни. И решая их, она, по их убеждению, не может и не должна останавливаться перед такими несущественными мелочами, как нарушение неотъемлемых прав рядовых жителей страны.

Глубоко архаичные традиционалистские стереотипы, управляющие поведением российских политиков-бюрократов, превращают современную государственную власть в стране в действующую исключительно в своих собственных интересах, не признающую правовых ограничений и потому обладающую признаками абсолютизма.

БЮРОКРАТИЯ КАК ТОРМОЗ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Главный изъян современного общественно-политического устройства России заключается в том, что государственная власть в силу своей природы

не дает сформироваться современным общественным институтам, которые жизненно важны для быстрого и устойчивого экономического, политического и социального развития страны. Этот порок отнюдь не является следствием личных качеств лидера коалиции. Он присущ именно существующей *форме общественно-политического устройства*. Актуальные проблемы развития России, связанные с традиционалистскими особенностями этого устройства, уже неоднократно подробно обсуждались в отечественной политической литературе. Поэтому здесь приведем только краткий очерк наиболее жгучих проблем.

Хроническая экономическая отсталость. Правящая коалиция перекрывает доступ к жизненно важным производственным ресурсам для подавляющего большинства потенциальных участников экономической жизни и в полной мере открывает его только и исключительно для узкого круга хозяйственных руководителей, абсолютно лояльных к ней. На федеральном уровне ограничения доступа оформляются в виде создания государственных корпораций, монополизирующих целые отрасли национального хозяйства. На региональном уровне ограничением доступа занимаются местные власти и правоохранительные органы [Явлинский, Космынин 2011: 15-16].

Подобный стиль управления экономической жизнью приводит к тому, что национальное хозяйство России является не рыночным, а государственно-монополистическим. Из экономической теории известно, что такого рода "периферийный" капитализм – это один из самых неэффективных методов организации экономической жизни [там же: 18]. Существуют по крайней мере три признака, которые убедительно свидетельствуют о серьезной экономической отсталости России. Первый признак – это длительная стагнация, отсутствие экономического роста [Кудрин, Гурвич 2014: 4-5; 13-20]. Второй признак – это низкая производительность труда россиян: один работающий в России в среднем производит в три-четыре раза меньше продукции, чем один работающий в передовых странах Запада или в Японии. И, наконец, третий признак – это деиндустриализация России. Она выражается в неспособности российской промышленности производить в массовых масштабах и в надлежащем ассортименте высокотехнологичные продукты с высокой добавленной стоимостью [Гринберг 2008: 7-8].

Особый характер имущественного неравенства. Работа рыночных механизмов всегда вызывает имущественное расслоение. Но в норме такое имущественное неравенство является сравнительно умеренным. При этом рынок порождает многочисленный средний класс. Большая часть жителей страны с эффективной рыночной экономикой имеет доход либо ненамного больший, либо ненамного меньший среднего. Имущественное неравенство в современной России имеет принципиально иной характер: есть крайне малочисленная группа россиян со сверхвысокими доходами, в то время как все остальные жители России либо стоят у черты бедности, либо уже давно оказались за этой чертой. Средний класс в России практически отсутствует. Такое распределение богатства стало следствием постоянного государственного вмешательства в работу национального хозяйства и прежде всего поддерживаемых им ограничений доступа к производственным ресурсам [Тужилина 2016].

Произвол как норма общественной жизни. Глубоко укоренившаяся привычка большинства представителей политического класса решать все свои жизненные вопросы путем использования власти приводит к тому, что они постоянно нарушают права граждан. Здесь и участие представителей государственной власти в перераспределении монопольной ренты, и рейдерские

захваты предприятий независимых от власти предпринимателей; и закрытие независимых от власти телевизионных каналов и газет; и преследование, в том числе и судебное, несистемных деятелей культуры, и многое другое.

Пример, который подают представители власти обществу, оказывается заразительным: "Если власть в своих начинаниях не находит нужным считаться с правами людей, то почему мы, граждане, должны вести себя иначе и с кем-то считаться?". Тем самым культивируется правовой нигилизм и неуважение к правам других людей. Поэтому граждане России постоянно сталкиваются с такими антиобщественными явлениями, как самоуправство, бытовое хамство и хулиганство, равно как и применение насилия по самым ничтожным поводам. К сожалению, именно так многие россияне понимают свою личную свободу. Однако подлинная свобода подразумевает наличие серьезных правовых ограничений, которые в равной мере касаются как компетенции и методов власти, так и действий обычных граждан. Свобода в отсутствие правовых ограничений – это ни что иное, как неприкрытый произвол.

Отсутствие внутренних источников развития. Каким бы просвещенным ни был верховный правитель, какими бы выдающимися личными качествами он ни обладал, он никогда не сможет своим личным вниманием охватить все стороны жизни большой страны. В России имеется множество зон, выпавших из-под контроля верховной власти. В них царит хозяйственное запустение и произвол местных властей. Бесправные жители страны, лишенные доступа к важнейшим производственным и жизненным ресурсам, не могут проявить свою личную гражданскую инициативу и исключены из экономической и общественной жизни. Иными словами, основным внутренним источником развития современной России служит по-прежнему ее политический класс. Однако он слишком малочислен и слишком пассивен для того, чтобы обеспечить быстрое и устойчивое развитие страны. Пренебрегающая важнейшим альтернативным источником развития – гражданской инициативой новаторов и энтузиастов, не входящих во власть, Россия обречена на застой в самых разных областях общественной жизни.

Проблемы ротации власти. Ахиллесовой пятой российского абсолютизма во все времена было отсутствие ясной и прозрачной процедуры смены власти. Даже монархический принцип престолонаследия не решал дела. Сын Ивана Грозного царь Федор Иоаннович оказался совершенно непригодным к управлению государством, равно как и сын Александра III император Николай II. Император Петр I при жизни так и не выразил своей воли в части процедуры наследования имперского престола. В каждом из этих исторических эпизодов передача верховной власти в России происходила весьма болезненно. Не лучше обстоят дела с процедурой передачи власти и в новой России. Монархический принцип здесь не работает, поскольку он входит в явное противоречие с имиджем президентской республики. А никакая другая прозрачная процедура смены правящей коалиции до сих пор не выработана. Основная проблема заключается в том, что в условиях персоналистской системы власти верховный правитель в течение своего правления старается по возможности сдерживать тем или иным способом всех политических конкурентов. Когда же наступает пора передавать власть, то выясняется, что передавать ее некому. В связи с этим обстоятельством по завершении следующего электорального цикла Россию ожидают серьезные политические потрясения.

Напряженность в отношениях со странами Запада. Западные политики искренне не понимают архаичных принципов организации власти в России. Они

также искренне опасаются роста военно-политического могущества Москвы и усиления элементов абсолютизма. Непонимание и страх порождают у политического класса Запада недоверие и враждебность к современной России. Сегодня против нее ведется экономическая и информационная война. Кроме того, по периметру российской территории насаждаются враждебные нашей стране марионеточные режимы и раздуваются очаги вооруженных конфликтов. По существу, страны Запада (и прежде всего США) балансируют на грани вооруженного столкновения с Россией, которое, раз начавшись, будет означать самоуничтожение человечества.

Российская власть официально трактует катастрофический рост напряженности в отношениях со странами Запада как проявление русофобии – застарелой ненависти западного мира к российскому государству и к русской цивилизации как таковой. Неприязнь, имеющая в своей основе цивилизационные различия, несомненно, издавна существует [Данилевский 2011: 65-69]. Но нельзя не видеть и того, что современная русофобия в значительной мере подпитывается глубокими различиями между Россией и западным миром в способах организации власти. Поэтому напряженность в отношениях между Россией и странами Запада будет сохраняться до тех пор, пока сохраняются эти различия. Хотя бы частичное снижение напряженности возможно только путем их сглаживания. В этом отношении Россия должна пройти свою половину пути, модернизируя свое общественно-политическое устройство.

МОДЕРНИЗАЦИЯ: УСИЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ НАЧАЛ

Реальная, неимитационная оппозиция российской государственной власти представлена в основном политиками демократической ориентации. Они так же, как и сторонники авторитаризма, полагают, что власть в принципе может служить подходящим инструментом для организации всех сторон общественной жизни. Однако, в отличие от последних, демократы убеждены: власть в России находится в ненадлежащих руках и используется ненадлежащим образом [Егоров, Цыпленков 2017: 290]. Иными словами, проблема заключается-де не в природе власти как таковой, а лишь в неправильном источнике власти. Им должна быть не правящая коалиция, а весь народ.

Соответственно этому трансформация общественно-политического устройства современной России видится им не в ограничении власти правовыми установлениями, а в придании ей инструментального характера. Власть должна быть такой же сильной и всеобъемлющей, как и сегодня, но только использоваться она должна не в интересах правящей коалиции, а в интересах рядовых жителей страны. По мнению сторонников демократии, этого можно добиться только за счет усиления демократических начал в политической жизни. Власть у правящей коалиции нужно тем или иным способом отобрать и передать ее подлинным народным представителям, избранным в ходе честных демократических выборов. Главный лозунг современной российской оппозиции: "Больше, больше, больше демократии!" Нужно иметь больше народных депутатов всех уровней и более справедливый избирательный закон, нужно обеспечить более открытое проведение избирательной кампании и более честный подсчет голосов [там же: 291-292].

Убежденные демократы – это самые последовательные и непримиримые противники абсолютистских тенденций. Время от времени с помощью демократических лозунгов им удается поднять на борьбу с центральной властью большие массы граждан. В некоторых исторических эпизодах власть оказыва-

ется слабой, неспособной защитить себя от возмутившихся масс. Она отдает рычаги управления страной представителям демократической оппозиции, однако победа демократической революции над абсолютизмом оказывается пирровой. Ведь конечная цель политической модернизации состоит вовсе не в торжестве демократии над авторитарной властью, а в том, чтобы вывести Россию на траекторию быстрого и устойчивого развития. Можно победить авторитаризм и потерять при этом страну.

Демократическая революция представляет собой реальную угрозу российской государственности по следующей причине. Главная демократическая идея – сделать власть инструментом для выполнения народной воли – несет в себе мощный импульс децентрализации. Это можно установить с математической точностью, если принять во внимание то, что никакой единой "воли народа" на самом деле не существует. Все люди разные, и хотят они разного. В любом человеческом сообществе существует большое количество групп и коалиций с интересами разнонаправленными, а иногда и взаимоисключающими. Каждый "народный представитель, избранный демократическим путем", будет выражать волю только одной из этих групп или одной из этих коалиций. Поэтому гражданские столкновения между разными группами политиков демократической ориентации просто неизбежны.

Как только одна из таких групп приходит к власти, она немедленно становится объектом нападок со стороны других, более радикальных групп. Последние обвиняют новую власть в нежелании исполнять "волю народа", в том, что она полностью переродилась и стала прислугой бывшего привилегированного сословия. Радикалы уверяют массы рядовых жителей страны в том, что только им, радикалам, доподлинно известно, в чем именно состоит народная воля, и они готовы во всем следовать этой воле. Они призывают восставший народ не останавливаться на полпути и "довести революцию до своего логического конца". В условиях отсутствия правовых ограничений власти и, что особенно важно, полного отсутствия правового самосознания и у представителей политического класса, и у рядовых жителей страны, "доведение революции до ее логического конца" может означать только одно: вооруженное столкновение между радикалами и их бывшими союзниками по демократическому лагерю.

Столкновения, в том числе и вооруженные, между разными группами революционных демократов приобретают угрожающий характер еще и в силу неизбежного развала в ходе демократической революции армии и правоохранительных структур. Их руководители и рядовые сотрудники, присягавшие на верность прежней власти, в новых условиях теряют общественные ориентиры. Под влиянием демократических агитаторов одни силовые структуры и их подразделения примыкают к одним демократическим группировкам, другие – к другим. "Силовики" перестают быть консолидированной силой. Это неизбежно ведет к гражданской войне. А она, в свою очередь, открывает дорогу иностранным вмешательствам: одни внешние силы поддерживают одну противоборствующую сторону, другие – другую. Страна перестает быть субъектом мировой политики и становится предметом торга между основными центрами геополитического влияния.

Вооруженный передел власти между разными группами революционных демократов может происходить в стране несколько раз, пока рычагами государственной власти не овладеет самая беспощадная и жестокая политическая группировка, способная "железной рукой", путем массовых репрессий

и вооруженного подавления протестующих и несогласных установить в стране "диктатуру восставшего народа". После чего новая "революционно легитимированная" господствующая коалиция получает возможность восстановить в стране абсолютную власть в новом идеологическом оформлении.

Описанный выше сценарий демократической революции, разворачивающейся в отсутствии каких-либо правовых рамок, многократно воспроизводился в мировой истории. Мы уже упоминали о демократической революции в Англии, имевшей место в период с 1639 по 1660 гг. По тому же сценарию шло развитие событий в ходе Великой французской революции в период с 1789 по 1793 гг. Он также дважды воплощался в жизнь в нашей стране в XX в. В 1917 г. демократическая революция, вспыхнувшая в царской России, привела к крушению Российской империи, тяжелейшей гражданской войне и установлению одного из самых жестоких и деспотичных тоталитарных режимов в истории человечества – к коммунистической диктатуре. Демократическая революция, начатая самой центральной властью под видом "перестройки", в 1991 г. привела к крупнейшей геополитической катастрофе – распаду Советского Союза, на руинах которого в России возник и укрепился современный просвещенный авторитаризм. Сегодня по этому пути движется Украина. Приведенных примеров вполне достаточно для того, чтобы понять, что избыточное усиление демократических начал в отсутствие правовых ограничений власти – это путь к хаосу, к анархии, гражданской войне, к потере государственности и, в конечном итоге, к реставрации бюрократического произвола в новом обличье.

МОДЕРНИЗАЦИЯ: ИЗМЕНИТЬСЯ, ЧТОБЫ ПОБЕДИТЬ

Более осмысленным и перспективным, хотя и намного более трудоемким, представляется совершенно иной способ модернизации общественно-политического устройства современной России. Он заключается в плавном, постепенном демонтаже российского авторитаризма и параллельном формировании нового правового общественно-политического устройства. И то, и другое станет возможным только при условии коренного изменения поведенческого стандарта, действующего в российском политическом классе. Совместные усилия реформаторского крыла правящей коалиции и передовой российской общественности должны быть нацелены на изменение архаичных поведенческих привычек политического класса. Российским политикам нужно изменить свое политическое поведение для того, чтобы одержать победу во внешних сражениях за будущее России с ее геополитическими соперниками.

Смена поведенческого стандарта должна начаться с коренного пересмотра представлений о сущности власти и ее роли в общественной жизни. В числе этих актуальнейших задач: развенчание авторитаризма власти и ее сакрального значения в глазах российской общественности; укрепление общего мнения, что компетенция власти вообще, и государственной власти в частности, должна быть ограничена правовыми установлениями, а власти надлежит поддерживать спонтанно сложившиеся в обществе институты – и только, поскольку заниматься формированием таких институтов – это задача не власти, а всего гражданского общества в целом.

Ориентиром общественных изменений в России должно стать постепенное превращение гражданского общества в главный двигатель ее всестороннего развития. Чтобы это стало возможным, все россияне, и российские политики в том числе, обязаны научиться уважать неотъемлемые права людей.

Всем нам надлежит осознать, что соблюдение этих неотъемлемых прав – не причуда правозащитников, а единственный залог быстрого и устойчивого развития страны, роста ее экономического и военного могущества. Руководящим принципом деятельности российского государства должен стать принцип верховенства прав людей над административным и хозяйственным произволом. Последний, который иногда стыдливо называют "политической целесообразностью", должен быть полностью исключен из общественной жизни.

Интересы рядовых жителей страны бывают разнонаправленными, а иногда и противоположными. В этом разнообразии устремлений, в независимом поиске отдельными людьми наилучших форм организации общественной жизни, собственно говоря, и заключается главный источник общественного развития. Этот поиск в принципе не может быть выполнен властью: она по-другому устроена и на другое нацелена: ее совершенно невозможно сделать инструментальной в отношении тех вопросов, по которым у разных групп граждан страны нет или не может быть согласия (сей застарелый предрассудок нашей "демократической общественности" также должен быть преодолен).

Задача государственной власти заключается не в том, чтобы выполнять никому не известную "волю народа", а в том, чтобы создавать необходимые условия для того, чтобы сами жители страны свою собственную волю сами же и выполняли. Государственной власти надлежит лишь создавать конституционные правовые рамки, в которых граждане будут беспрепятственно вести свободный поиск наилучших форм общежития. Все вопросы развития, по которым нет полного согласия в обществе, должны решаться вовсе не государственной властью, а новаторами и энтузиастами из состава рядовых жителей России на основе гражданских инициатив, добровольных взаимовыгодных соглашений и безусловного уважения всеми участниками общественной жизни неотъемлемых прав и свобод людей.

Соответствующие изменения должны произойти и в государственном устройстве. Все три ветви российской власти должны обрести подлинную независимость и самостоятельность в точном соответствии с принципом разделения властей – основой республиканской формы правления. Независимый суд должен встать на страже прав и свобод граждан страны. Законодательная власть должна стремиться не к тому, чтобы непосредственно управлять страной "через народных представителей, избранных демократическим путем", а к тому, чтобы ограничить исполнительную власть в ее компетенции и в методах, которыми она может пользоваться, известными правовыми установлениями. Кроме того, независимый парламент должен строго следить за тем, чтобы исполнительная власть действовала исключительно в рамках, установленных им для нее правовых ограничений и была подотчетной в своих действиях гражданам страны.

Государственная власть и в самом деле может и должна стать инструментом, но не для организации всех без исключения сторон общественной жизни, а главным образом для охраны прав и свобод граждан. Это разбудит гражданскую инициативу жителей страны и обеспечит их полноценное участие в развитии общества. В конце 1970-х годов Ф.А. Хайек сформулировал фундаментальный принцип организации власти, который следовало бы взять на вооружение всем российским политикам: "Важнейшим из общественных благ, для обеспечения которых необходимо правительство, является не прямое удовлетворение каких-либо конкретных нужд, а обеспечение условий, при которых отдельные люди и небольшие группы будут располагать благоприятными возможностями

для взаимного удовлетворения соответствующих потребностей" [Хайек 2006: 170]. Иными словами, рычаги власти следует использовать не для того, чтобы сделать счастливыми себя или других, а для того, чтобы создать такие условия, при которых каждый человек мог бы стремиться к достижению счастья своими усилиями и так, как он сам это понимает.

Бабинцев В.П. 2012. Интеллектуальная деконструкция имитационного консенсуса как возможность. – *Власть*. № 6. С. 25-30.

Бакунин М.А. 1989. Государственность и анархия. Борьба двух партий в Интернациональном обществе рабочих. – Бакунин М.А. *Философия. Социология. Политика*. М.: Правда. С. 291-536.

Вебер М. 2016. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Социология*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 445 с.

Великая хартия вольностей (1215 г.) – *Памятники истории Англии XI-XIII веков*. М.: Госоцэкиздат, 1936. 238 с. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XIII/1200-1220/Magna_charta1215/text2.phtml (проверено 17.12.2017).

Вишневский А.Г. 1998. *Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР*. М.: ОГИ. 432 с.

Гоббс Т. 1991. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – Гоббс Т. *Сочинения. В 2 т*. Т. 2. М.: Мысль. С. 6-545.

Гринберг Р.С. 2008. Место и шансы России в мировой экономике. – *Предпринимательство*. № 1. С. 6-14.

Гутнова Е.В. 1960. *Возникновение английского парламента (из истории английского общества и государства XIII в.)*. М.: Издательство МГУ. 582 с.

Даль Р. 2003. *Демократия и ее критики*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 576 с.

Данилевский Н.Я. 2011. *Россия и Европа*. М.: Институт русской цивилизации, Благословение. 816 с.

Егоров С.Н. Цыпленков П.В. 2017. *Векторная теория социальной революции*. СПб.: б.и. 400 с.

Керимов А.А. 2015. Легитимность политической власти в современной России: основания и перспективы. – *Власть*. № 3. С. 121-123.

Краснов М.А. 2012. Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа. – *Политическая концептология*. № 1. С. 160-277.

Кропоткин П.А. 2004. *Анархия, ее философия, ее идеал*. М.: ЭКСМО. 864 с.

Кудрин А., Гурвич Е. 2014. Новая модель роста для российской экономики. – *Вопросы экономики*. № 12. С. 4-36.

Линецкий А.И. 2017. Модернизация традиционных обществ: путь к процветанию или дорога в никуда? – *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 118-137. https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.09

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. 2011. *Насилие и социальные порядки, концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Издательство Института Гайдара. 480 с.

Сиземская И.Н. 2016. Модернизационные проекты и практики в историческом опыте России. – *Философская мысль*. № 7. С. 69-88. https://doi.org/10.7256/2409-8728.2016.7.19602

Тужилина С.В. 2016. Особенности неравенства распределения доходов в Российской Федерации. – *Современные научные исследования и инновации*. № 1. URL: http://web.snauka.ru/issues/2016/01/61834 (проверено 01.12.2017).

Федотова В.Г. 2016. *Модернизация и культура*. М.: Прогресс-Традиция. 336 с.

Фурман Д.Е. 2010. *Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем*. М.: Весь Мир. 168 с.

Хайек Ф.А., фон. 2006. *Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики*. М.: ИРИСЭН. 644 с.

Черчилль У. 2006. *Британия в Новое время (XVI-XVII вв.)*. Смоленск: Русич. 416 с.

Явлинский Г.А., Космынин А.В. 2011. Двадцать лет реформ – промежуточные итоги? (Российское общество как процесс). – *Мир России*. Т. 20. № 2. С. 3-32.

Acemoglu D., Robinson J.A. 2012. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. New York: Crown Publisher. 563 p.

Brown A. 2014. *The Myth of the Strong Leader: Political Leadership in the Modern Age*. New York: Basic Books. 480 p.

Favereau O., Thévenot L. 1996. Réflexions sur une notion d'équilibre utilisable dans une économie de marchés et d'organisations. – *Les marchés internes du travail: de la microéconomie a la macroéconomie. Collection Économie*. G. Ballot (ed.). Paris: PUF. P. 273-313.

Foucault M. 1976. *Histoire de la sexualité*. Vol. 1: *La volonté de savoir*. Paris: Gallimard. 212 p.

North D.C. 1981. *Structure and Change in Economic History*. New York: W. W. Norton. 128 p.

DOI: 10.17976/jpps/2018.01.05

THE MOMENT OF TRUTH: ARCHAIC BEHAVIOR PATTERNS IN RUSSIAN POLITICAL LIFE

A.I. Linetsky[1]

[1]*Moscow, Russia*

LINETSKY Alexander Iosifovich, Cand. Sci. (Phys.-Math.), political scientist, businessman. Email: linetskyalexander@hotmail.com

Linetsky A.I. The Moment of Truth: Archaic Behavior Patterns in Russian Political Life. – Polis. Political Studies. 2018. No. 1. P. 62-79. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.05

Received: 18.08.2017. Accepted: 12.11.2017

Abstract. The author argues that sociopolitical design of modern Russia is still obsolete and in many ways does not meet the modern challenges. The ruling political coalition maintains control over all the levers of political power, uses them to achieve its own interests, and expands its competence as widely as possible; in so doing, it faces no opposition from the society and continues to expand its tools for exercise of power. The origins of modern Russian political regime derive from archaic behavior patterns that prevail in the Russian political class' behavior. The obsolete design of Russian socio-political system produces serious development problems and should be replaced by a modern one. Such modernization can be implemented in two different ways. The first one is to develop the democratic component of political life; the second one is to establish potent legal restrictions on the authority. The former way leads to chaos and collapse of state, while the latter requires a considerable change in the behavior patterns of Russian political class and is rather promising in the long-term development period.

Keywords: Russia; power; centralization of power; natural state; democracy; the rule of law; modernization; behavioral stereotypes; political and economic institutions.

References

Acemoglu D., Robinson J.A. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. New York: Crown Publisher. 2012. 563 p.

Babintsev V.P. Intellectual Deconstruction of Simulation Consensus as a Possibility. – *Vlast'*. 2012. No. 6. P. 25-30. (In Russ.)

Bakunin M.A. Gosudarstvennost' i anarkhiya. Bor'ba dvukh partii v Internatsional'nom obshchestve rabochikh [Statehood and Anarchy. The Struggle of the Two Parties in the International Workers' Society]. –

Bakunin M.A. *Filosofiya. Sotsiologiya. Politika* [Philosophy. Sociology. Policy]. Moscow: Pravda. 1989. P. 291-536. (In Russ.)

Brown A. *The Myth of the Strong Leader: Political Leadership in the Modern Age*. New York: Basic Books. 2014. 480 p.

Churchill W. *A History of the English-Speaking Peoples*. Vol. I. (Russ. ed.: Churchill W. *Britaniya v Novoe vremya (XVI-XVII veka)*. Smolensk: Rusich. 2006. 416 p.)

Dahl R.A. Democracy and Its Critics. (Russ. ed.: Dahl R.A. *Demokratiya i ee kritiki*. Moscow: ROSSPEN. 2003. 576 p.).

Danilevsky N.Ya. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, Blagoslovenie. 2011. 816 p. (In Russ.)

Egorov S.N, Tsyplenkov P.V. *Vektornaya teoriya sotsial'noi revolyutsii* [Vector Theory of Social Revolution]. St. Petersburg. 2017. 400 p.

Favereau O., Thévenot L. Réflexions sur une notion d'équilibre utilisable dans une économie de marchés et d'organisations. – *Les marchés internes du travail: de la microéconomie a la macroéconomie*. Collection Économie. G. Ballot (ed.). Paris: PUF. 1996. P. 273-313.

Fedotova V.G. *Modernizatsiya i kul'tura* [Modernization and Culture]. Moscow: Progress-Traditsiya. 2016. 336 p. (In Russ.)

Foucault M. *Histoire de la sexualité*. Vol. 1: *La volonté de savoir*'. Paris: Gallimard. 1976. 212 p.

Furman D.E. *Dvizhenie po spirali. Politicheskaya sistema Rossii v ryadu drugikh system* [*Movement in a Spiral. The Political System of Russia in a Number of Other Systems*]. Moscow: Ves' Mir. 2010. 168 p. (In Russ.)

Grinberg R.S. Place and Chances of Russia in the World Economy. – *Predprinimatel'stvo*. No. 1. P. 6-14. (In Russ.)

Gutnova E.V. *Vozniknovenie angliiskogo parlamenta (iz istorii angliiskogo obshchestva i gosudarstva XIII veka)* [The Emergence of English Parliament (from the History of English Society and State XIII Century)]. Moscow: Moscow State University Press. 1960. 582 p. (In Russ.)

Hayek F.A., von. Law, Legislation and Liberty. (Russ. ed.: *Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda: Sovremennoe ponimanie liberal'nykh printsipov spravedlivosti i politiki*. Moscow: IRISEN. 2006. 644 p.)

Hobbes T. Leviafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo. – Hobbes T. *Sochineniya. V 2 tomakh. Tom 2*. Moscow: Mysl'. 1991. P. 6-545. (In Russ.)

Kerimov A.A. Legitimacy of Political Power in Modern Russia: Foundations and Prospects. – *Vlast*'. 2015. No. 3. P. 121-123. (In Russ.)

Krasnov M.A. The Personalistic Regime in Russia: the Experience of Institutional Analysis. – *The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*. 2012. No. 1. P. 160-277. (In Russ.)

Kropotkin P.A. *Anarkhiya, ee filosofiya, ee ideal* [Anarchy, Its Philosophy, Its Ideal]. Moscow: EKSMO. 2004. 864 p. (In Russ.)

Kudrin A, Gurvich E. A New Growth Model for the Russian Economy. – *Voprosy Ekonomiki*. 2014. No. 12. P. 4-36. (In Russ.)

Linetsky A.I. Modernization of Traditional Societies: A Way to Prosperity or a Road to Nowhere? – *Polis. Political Studies*. 2017. No. 4. P. 118-137 (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.09

Magna Charta Libertatum (1215) (Russ. ed.: Velikaya khartiya vol'nostey (1215) – *Pamyatniki istorii Anglii XI-XIII vekov* [Monuments of the History of England XI-XIII Centuries]. Moscow: Gosotsikizdat. 1936. 238 p.). URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XIII/1200-1220/Magna_charta1215/text2.phtml (accessed 17.12.2017).

North D.C. *Structure and Change in Economic History*. New York: W. W. Norton. 1981. 128 p.

North D.C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990. 159 p. (Russ. ed.: Nort D. *Instituty, institutsional'nyye izmeneniya i funktsionirovaniye ekonomiki*. Moscow: Nachala. 1997. 180 p.)

North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. (Russ. ed.: North D., Wallis J., Weingast B. *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva*. Moscow: Institut Gaydara Publ. 2011. 480 p.)

Sizemskaya I.N. Modernization Projects and Practices in Russia's Historical Experience. – *Philosophical Thought*. 2016. No. 7. P. 69-88. (In Russ.) https://doi.org/10.7256/2409-8728.2016.7.19602

Tuzhilina S.V. Features of Income Inequality in the Russian Federation. – *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii*. 2016. No. 1. URL: http://web.snauka.ru/issues/2016/01/61834 (accessed 01.12.2017).

Vishnevskii A.G. *Serp i rubl': Konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [Sickle and Ruble: Conservative Modernization in the USSR]. Moscow: OGI. 1998. 432 p. (In Russ.)

Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. (Russ. ed.: Weber M. *Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii. Sotsiologiya*. Moscow: HSE Publishing House. 2016. 445 p.)

Yavlinskii G.A., Kosmynin A.V. Twenty Years of Reforms – Interim Results? (Russian Society as a Process). – *Mir Rossii*. Vol. 20. No. 2. P. 3-32. (In Russ.)